

A romantic couple embracing on a balcony at dusk. The man, with dark hair and a beard, wears a white button-down shirt and has his arms around the woman. The woman, with blonde hair, wears a white spaghetti-strap dress and has her eyes closed. They are on a wooden balcony with a railing. In the background, there are evergreen trees and a sunset sky with warm orange and pink hues. String lights are visible above them.

Под
БРАСЛЕТОМ

— ♡ —
Любовь Земная

18+

Любовь Земная Под браслетом

<https://litres.ru/74676174>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда муж узнает, он не станет кричать. И это самое страшное. А когда она исчезнет, искать будет некому. Кроме него.

У Насти нет ни денег, ни работы, ни подруг — только богатый муж, который знает о ней всё и золотой браслет, который скрывает правду.

Однажды на приёме Настя знакомится с Максимом, компаньоном мужа. Он не спасает её и не жалеет — просто разговаривает с ней как с человеком, у которого есть собственное мнение. А потом муж перестаёт задавать вопросы. И это хуже всего.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Под браслетом

Глава 1

Синяк на запястье был уже жёлтый по краю, а в середине ещё синий. Тональный крем на нём плохо держался: скатывался, ложился полосами. Настя нанесла третий слой, промокнула салфеткой, посмотрела в зеркало и надела золотой браслет, широкий, с тяжёлыми звеньями, подарок Бориса в прошлом марте. Металл закрыл почти всё.

Внизу хлопнула дверь. Она слышала, как муж говорит по телефону, коротко и весело, и как в голосе у него появляется интонация, которой дома она не слышала давно.

Борису в этом году исполнился пятьдесят один, и разница в двадцать четыре года его не смущала. Он носил её при себе, как часы или как ключи от дома: тяжёлое золото, дорогая вещь, всегда на месте. У него была строительная фирма, объекты по всему городу, госконтракты, подписи, которые ждали его одного. В администрации с ним разговаривали по имени, в ресторанах метрдотель вёл их к столику у окна, не спрашивая фамилию.

Замуж она вышла в двадцать два, и тогда это казалось счастьем: рядом человек, который всё решает. Он выбирал ресторан, отель, машину, и не нужно было ничего придумывать самой. Он приносил ей цветы без повода, возил на мо-

ре, покупал платья, которые нравились ему, и она носила их, потому что нравились и ей. Он смеялся над её шутками, называл девочкой, звонил днём просто так. Она думала, что так будет всегда.

Первый год прошёл в этом тёплом шуме. А потом он начал считать время.

Сначала это было почти незаметно. Он спрашивал, во сколько она вышла из дома и во сколько вернулась, кто звонил, почему не взяла трубку с первого раза. Записывал её дела в календарь рядом со своими и обижался, если она забывала: он-то помнил всё. Потом в доме появилась карта, которую он ей оформил, и он знал, где она тратит деньги и сколько. Потом ей перестали звонить подруги. Одна вышла замуж и уехала, другая после разговора с Борисом позвонила ещё раз, коротко, и больше не звонила. Настя не сразу поняла, что он говорил с ними тоже, своим ровным, приветливым голосом. К концу второго года у неё не осталось ни работы, ни своей карты, ни одного человека, с которым можно было поговорить, чтобы он об этом не узнал.

Он никогда не кричал. Кричать ему было не нужно. Он входил в комнату, и она уже понимала по его лицу, что вечер будет плохой. Говорил он тихо, почти ласково, и от этого спокойствия у неё холодели руки. Всё, что у неё было, было куплено им и считалось его: дом, машина, браслет, платье, даже собака. И он не уставал напоминать об этом, потому что искренне не видел тут ничего дурного. Я тебя обеспечил,

ты моя. Я хочу знать, где ты, потому что ты моя жена.

Первый раз это случилось два года назад. Потом он извинялся, что сорвался, привёз ей серьги, всю ночь гладил по голове и говорил, что она сама его довела, а он больше не может. Потом это стало обычным. Он брал её за волосы, за плечо, за запястье, сжимал пальцы ровно настолько, чтобы остались следы, а на следующий день был добрым, покупал что-нибудь и удивлялся, почему она грустная.

— Настя! — крикнул он. — Ты готова?

— Иду, — сказала она в зеркало.

Платье висело в чехле с вечера, туфли стояли у двери. Сегодня сдавали объект, и Борис собирал в ресторане всех, с кем работал два года. Он застёгивал в прихожей часы, довольный, крупный, чужой.

— Не отходи от меня сегодня, — сказал он. — И не пей.

В машине пахло кожей и его туалетной водой. Борис вёл одной рукой, другую положил ей на колено и всю дорогу говорил, кто сегодня будет и с кем ей разговаривать, а с кем лучше молчать и улыбаться. Она кивала и смотрела, как за стеклом тянутся заборы, потом начался центр: витрины, светофоры, женщины на каблуках, идущие куда-то вечером.

В ресторане их встретили у входа. Борис сразу стал другим: громче, шире в плечах. Он жал руки, хлопал кого-то по спине, называл имена, которые она обязана была запомнить.

— А это моя жена. Настя.

— Очень приятно.

Она повторяла это столько раз, что лица начали сливаться: румяные, гладкие, довольные, все с одинаковыми бокалами. Она держала свой и не пила.

У дальнего окна, спиной к залу, стоял мужчина в тёмном костюме. Он повернулся раньше, чем она успела отвести глаза.

Борис проследил, куда она смотрит, и сразу оживился:

— А, ты его ещё не видела. Пойдём, познакомлю.

Он взял её под локоть и повёл через зал, здороваясь на ходу с кем-то справа, кивая кому-то слева. Мужчина шагнул навстречу.

Мужчина был выше всех, кто стоял вокруг него, мускулистый, в тёмном деловом костюме. Чёрные волосы, коротко стриженные на висках, лежали гладко, без единой седины, хотя по всему залу ровесники Бориса уже обзавелись и лысинами, и животами.

Держался он прямо, легко. Красивое лицо, ровное, тёмные глаза, чисто выбритая челюсть. На вид ему было ближе к сорока, чем к пятидесяти. Красив он был той красотой, которая действует без всяких усилий и которую сам он, кажется, не замечал. Сила в нём читалась в мелочах: в том, как он стоял, чуть расставив ноги, в широких ладонях, в шее под воротником, в спокойном лице человека, который знает, чего стоит, и не считает нужным это доказывать.

Настя успела подумать: так, наверное, выглядит человек, которому в этой комнате ничего не нужно.

— Максим, — сказал Борис. — Мой компаньон. А это моя жена, Настя.

— Здравствуйте, — сказала она.

Ладонь у него была тёплая и сухая. Пожал и отпустил ровно через секунду, не задерживая, и посмотрел в лицо, а не мимо, как смотрели здесь все.

— Борис про вас рассказывал, — сказал он.

— И что именно?

Она сама удивилась, что спросила. Борис засмеялся, коротко и громко, и сжал её руку сильнее, чем нужно: пальцы впились в кожу.

Настя перестала двигаться. Улыбка осталась у неё на лице, а всё остальное внутри замерло.

Максим посмотрел на его руку и ничего не сказал.

Борис отпустил её, будто и не держал, и хлопнул Максима по плечу:

— Ну что, сдали? Можно выдохнуть.

— Можно.

Они заговорили о смете, о комиссии, о том, кто из администрации обещал приехать на открытие и кого придётся ждать до августа. Настя стояла рядом с бокалом и слушала. Про неё забыли, и это было для неё лучше, чем внимание.

Она отступила на шаг, потом ещё на шаг, к окну, потом к двери на балкон. Никто не окликнул.

На балконе пахло холодной улицей. Внизу тянулся проспект, машины шли медленно, красными и белыми огнями.

Она поставила бокал на перила, обхватила себя за плечи и наконец выдохнула.

Дверь за спиной открылась.

Глава 2

Она обернулась.

Это был Максим. Он прикрыл за собой дверь и остановился в двух шагах, ближе не подходил.

— Не буду мешать. Там душно.

— Ничего. Я сейчас вернусь.

— Не спешите. — Он облокотился на перила рядом, но не слишком близко. — Я тоже вышел подышать.

Внизу медленно шёл проспект. Прошло полминуты. Настя ждала вопросов: кем она приходится Борису, как ей нравится город, не скучно ли на таких вечерах. Ответы были готовы, отрепетированные, лёгкие.

Вопросов не последовало.

— Тяжёлый, — сказал он.

— Что?

— Браслет. Неудобно, наверное, весь вечер.

Настя опустила руку и одёрнула рукав, хотя рукав был длинный и всё уже закрывал. Максим посмотрел на её пальцы и отвернулся к проспекту.

— Скажите, — проговорил он наконец, — вам здесь нравится?

— Что именно?

— Вечер. Люди. Всё это.

Настя посмотрела сквозь стекло в зал: там поднимали бо-

калы, кто-то обнимался, кто-то махал официанту. Борис стоял в центре группы и говорил, все слушали.

— Красиво, — сказала она.

— Это не ответ.

— А какой нужен?

— Ваш.

Она засмеялась, коротко и неожиданно для себя, и прикрыла рот ладонью, будто сделала что-то неприличное.

— Скучно, — сказала она. — И все говорят одно и то же, только разными словами.

Максим кивнул, как будто она сообщила ему что-то важное, и снова стал смотреть на проспект. Настя ждала, что он начнёт возражать, объяснять, что она не права. Он не стал.

— А вам? — спросила она.

— Что мне?

— Нравится?

Он подумал, прежде чем ответить, и это тоже было невыгодно.

— Не очень.

Он сказал это без раздражения, просто как есть, и посмотрел на неё, будто ждал такой же прямоты обратно.

— А вы? — спросил он.

— Что я?

— Чем занимаетесь?

Настя повертела бокал в пальцах, стекло было холодное.

— Домом.

— Это не профессия.

— Это всё, что у меня есть.

Он не стал говорить, что так нельзя, что она молодая, что ещё найдёт себя. Помолчал и спросил:

— И как оно? Дом?

— Большой, — сказала она. — Много комнат, в которых я не бываю.

Максим засмеялся тихо, в сторону, и она вдруг поняла, что впервые за вечер кто-то смеётся не над ней и не из вежливости.

— Вы шутите, — сказал он. — Это хорошо.

— Что тут хорошего?

— Что ещё можете.

— Что ещё можете, — повторила она. — Звучит как диагноз.

— Как надежда.

Она хотела ответить и не успела: дверь за спиной открылась снова, резче, и в проёме встал Борис, широкий, в распахнутом пиджаке, с весёлым лицом. Весёлое лицо было хуже всего.

— Вот ты где, — сказал он. — А я ищу.

— Я вышла подышать.

— Замёрзла?

— Немного.

— Максим, дал бы ты ей пиджак. — Борис засмеялся своей шутке, громко, на весь балкон.

Максим не засмеялся. Он держал бокал и смотрел на prospect, будто их разговор его больше не касался.

— Пойдём, — Борис взял её за руку выше локтя.

Он повёл её через балконную дверь, не отпуская руки, в зале стало шумно и жарко. Борис взял её под руку и повёл по залу: вот этот человек строил первую очередь, вот этот дал землю, а вот этот, с усами, держит в администрации все подписи. Она улыбалась и говорила «очень приятно», и постепенно научилась не смотреть на часы, которые висели над входом.

В начале двенадцатого он наклонился к её уху:

— Поехали.

Она поискала глазами Максима. У окна его уже не было, а дальше, между столами, было не разобрать.

Машина свернула с шоссе и остановилась у ворот. Створки поползли в стороны, и в свете фар показался особняк: два этажа, тёплая подсветка по фасаду, окна от пола до потолка, за стеклом длинные шторы.

Вдоль улицы тянулся кирпичный забор выше человеческого роста, с камерами по углам. За ним начинался газон, подстриженный ровно, к крыльцу вела дорожка из светлой плитки, и низкие фонари на столбиках светили вниз, на траву.

У будки стоял охранник в куртке с надписью на груди. Машина прошла по дорожке медленно, объехав клумбу, и встала у крыльца. Настя смотрела на дом и понимала, что дей-

ствительно не помнит, сколько в нём комнат.

— Приехали, — сказал Борис и выключил зажигание. — Дома.

Она поднялась первой, включила в спальне свет, села на край кровати и сняла туфли, одну за другой. Ноги гудели. Борис вошёл следом, без стука. Снял пиджак и повесил его на спинку кресла, потом ослабил галстук, не глядя на неё, и подошёл вплотную. От него пахло вином и сигаретами.

— Ты стояла на балконе с Максимом.

— Он вышел подышать.

— Я видел, как он на тебя смотрел. — Он говорил тихо, почти ласково, — мне не нравится, когда моя жена стоит в темноте с другим женщиной.

— Мы говорили про дом. Про то, что я сижу одна.

— В следующий раз стой рядом со мной.

Он взял её за волосы у самых корней и потянул к себе. Не рывком, а медленно, так что ей пришлось встать с кровати и схватиться за его рубашку, чтобы не упасть.

— Смотри на меня.

— Борис, больно.

— Я не разрешаю тебе разговаривать с мужчинами наедине. — Он говорил почти шёпотом, близко к её лицу. — Ни с ним, ни с другими. Ни на балконе, ни у магазина, нигде.

— Я не разговаривала.

— Я не договорил. — Он подтянул её ещё ближе. — Если я узнаю, что ты стоишь вот так, с кем-то ещё, будет хуже.

Поняла?

— Поняла.

Он подержал её так ещё секунду, потом притянул к себе и впился губами. Поцелуй был жёсткий, зубы задели её губу, рука по-прежнему держала волосы и не давала отстраниться.

Настя не отвечала. Стояла босиком на ковре, ладони упёрлись ему в грудь, и сквозь рубашку она чувствовала, как ровно и спокойно бьётся его сердце.

Он оторвался первым. Посмотрел на неё, провёл большим пальцем по её губе, и на пальце осталась кровь.

— Вот так, — сказал он. — Ты моя жена.

Он отпустил её волосы и ушёл в ванную. Настя осталась стоять посреди спальни. Губа горела, во рту был вкус металла, и ей очень хотелось прополоскать рот.

Глава 3

Утро в офисе начиналось с кофе и бумаги. Максим сидел без пиджака, рукава закатаны, перед ним лежала смета по третьей очереди: он вёл по строкам ручкой и отмечал цифры галочками.

На седьмой странице цифры не сошлись. Объём работ был тот же, что в прошлом квартале, а сумма выросла почти вдвое. Он пересчитал в уме, потом на калькуляторе, потом снова в уме.

За стеклом шла стройка: кран разворачивался над бетоном, внизу ходили люди в оранжевых жилетах.

— Борис Андреевич это видел? — спросил он, не поднимая головы.

— Он подписал в пятницу, — сказала помощница от двери. — Сказал, что всё в порядке.

Максим кивнул, снял с листа скрепку и положил смету в отдельную папку, которую убрал в нижний ящик стола.

Он откинулся на спинку кресла. За стеклом кран описал полукруг и замер, опустив крюк к бетону.

Он вспомнил её руки на перилах: тонкие пальцы, тяжёлый браслет, который она всё время поправляла. Как она сказала «скучно» и прикрыла рот ладонью, будто провинилась. А потом память пошла дальше, своими путями, как всегда бывает, когда человек занят делом и не хочет отвлекаться.

Светлое платье на ней было простого покроя, без вышивки и блёсток, и от этого она выделялась в зале, полном дорогих нарядов. Волосы светлые, длинные, уложенные на затылке, и несколько прядей выбились к концу вечера. Тонкая шея, линия плеча под тонкой тканью, ключицы. Она стояла у окна, чуть склонив голову, и в её позе была та осторожность, с какой держатся люди, привыкшие занимать меньше места, чем им отведено.

Максим вспомнил, как она повернулась к нему на балконе. Холодная улица, свет фонарей снизу, она обхватила себя за плечи, потому что замёрзла, а уходить не хотела. Вблизи у неё были серые глаза, светлее, чем казались из зала, и брови, которые она хмурила, когда подбирала слова.

А ещё он запомнил, какое у неё было лицо, когда она улыбалась. Улыбка выходила правильная, ровная, а глаза в ней не участвовали: она смотрела на очередного человека в костюме и ждала, когда можно будет отступить на шаг. Все в этом зале видели красивую жену Бориса. Максим же видел, как она держит спину и как осторожно дышит, будто боится, что кто-нибудь заметит.

Он поймал себя на том, что вспоминает её уже третий раз за утро, и с силой вернулся к смете. Цифры плыли, и он отложил лист.

Дверь открылась без стука, и на пороге появился Толя, в пальто нараспашку и с телефоном в руке.

— Ты обещал мне обед три недели назад.

— Я обещал подумать.

— Я подумал за тебя. — Он подошёл и сел на край стола.

— Ты вообще спал? У тебя лицо, как у человека, который всю ночь думал о женщине.

— О смете.

— О смете так не думают. О смете думают вот так. — Толя нахмурился, выпятил губу и уставился в одну точку.

Максим засмеялся и закрыл папку.

— Что там?

— Потом. — Он потёр глаза. — Поехали, ты же голодный.

— Я всегда голодный, — сказал Толя. — В «Террасе» новый повар. Говорят, он из Москвы и очень собой доволен.

В «Террасе» было тепло и шумно. Метрдотель повёл их между столиками и посадил у колонны, подальше от входа. Толя сразу взял меню и стал читать вслух, с выражением, как объявление на вокзале.

Максим развернул салфетку и вдруг перестал слышать.

В дальнем конце зала, у окна, сидела Настя. Перед ней стоял бокал, она держала его обеими руками и слушала Бориса, сидевшего напротив. Борис говорил, наклонившись через стол, и тыкал пальцем в телефон, а она кивала.

— Ты меня слушаешь? — спросил Толя.

— Нет.

— Я заметил. — Толя обернулся через плечо, нашёл их взглядом и посмотрел на Максима. — Это же Борис. А с ним кто?

— Жена.

— Хорошенькая, — сказал Толя и вернулся к меню. — Так вот, про повара.

Толя рассказывал про повара: тот выгнал из меню борщ, и половина города теперь обижена, а Толя, наоборот, уважает человека с принципами. Максим кивал не в такт.

Настя подняла голову.

Она увидела его почти сразу, через два столика и колонну. Секунду смотрела просто, без выражения, потом узнала: бокал в её руках качнулся, вино дёрнулось о стекло. Борис что-то сказал, и она отвернулась, слишком быстро, будто её поймали за руку.

Максим едва кивнул ей. Она не ответила, но и не стала делать вид, что не заметила.

— Ты бы хоть моргнул, — сказал Толя.

— Я моргаю.

— Ты смотришь так, будто решаешь, подходить или нет. — Толя отложил меню. — Если подойдёшь, я пойду с тобой. Он всё-таки мой начальник.

— Не сейчас, — сказал Максим и взял меню.

Но Борис уже поднял голову от телефона и смотрел прямо на него. Потом широко улыбнулся и поднял руку над столом.

— Максим! — позвал он через зал так громко, что обернулись соседние столики. — Иди сюда.

— Ну вот, — сказал Толя. — Судьба.

Они подошли. Борис встал и обнял Максима, хлопнув по

спине, тяжело, по-хозяйски.

— Здравствуйте, Борис Андреевич, — сказал Толя и по-жал ему руку.

— Здорово, Толя. — Борис повернулся к жене и положил ладонь ей на плечо. — А это, если кто забыл, моя Настя.

— Мы виделись в субботу, — сказал Максим.

— Вот и славно. Присаживайтесь, вместе пообедаем.

Настя подвинула свой бокал на пару сантиметров и ничего не сказала.

Они сели: Борис в середине, Настя рядом, Максим напротив, Толя с краю.

— Значит, смету смотрел, — сказал Борис, разворачивая салфетку. — Ну и как?

— Третья очередь подорожала почти вдвое. Объём работ тот же.

— Материалы, — Борис повёл рукой. — Ты же знаешь, что сейчас с материалами.

— Знаю.

Подошёл официант. Борис заказал, не открывая меню: мясо, овощи, воду без газа, потом кивнул в сторону жены:

— И ей то же.

— Я хотела рыбу, — сказала Настя тихо.

— Рыба здесь плохая. — Он даже не повернул головы. — Тебе понравится мясо.

Она закрыла меню и положила ладони на колени, под стол, чтобы их не было видно. Максим это заметил.

— А вы, Настя, чем занимаетесь? — спросил Толя, чтобы что-то сказать.

— Домом, — ответил за неё Борис и засмеялся.

Настя подняла глаза от тарелки. Их взгляды с Максимом встретились на секунду, и Борис это увидел. Он ничего не сказал. Только положил руку на спинку её стула, а потом на шею, под волосы, и погладил, будто случайно, не переставая говорить про комиссию и сроки.

— Мясо хорошее, — сказал Толя..

— Хорошее, — согласился Максим.

Настя сидела не шевелясь, пока рука лежала у неё на шее. Потом Борис убрал её и вытер пальцы салфеткой.

— Мы поедem. — Он посмотрел на часы. — У Насти дела.

Она поднялась первой и пошла к выходу между столиками. Максим встал, хотел сказать что-то, но она прошла мимо.

У двери Борис придержал её за локоть и что-то сказал на ухо. Она кивнула. Дверь за ними закрылась.

— Ну и вот, — сказал Толя, откидываясь на стуле. — Ты видел?

— Что видел?

— Как он её держит. — Толя понизил голос. — Он так с людьми не разговаривает. Он так разговаривает с вещами.

Максим смотрел в окно. У тротуара стоял чёрный внедорожник, Борис открыл жене дверцу, она села, не поднимая головы. Машина тронулась и ушла в поток.

— Она в порядке?

— Кто? — Толя проследил за его взглядом. — Жена его?

— Жена.

Толя пожал плечами и потянулся за хлебом.

— А кто её знает. — Он пожевал. — Ты, Максим, не лезь.

Он этого не любит.

— Я не лезу.

— Ага.

Официант принёс счёт. Максим положил карту, не глядя на сумму.

В офис он вернулся к семи, когда уборщица уже выключила половину ламп. Открыл нижний ящик, достал папку и разложил листы веером. Посчитал ещё раз, другим способом, по позициям: разница выходила та же, чуть меньше половины. Материалы так не дорожают. Материалы не дорожают вдвое за квартал, если объект начали в марте.

Он отложил калькулятор и посмотрел в окно. Стройка стояла тёмная, кран чернел на фоне неба, и внизу горел один фонарь у бытовки. Максим подумал о Насе, которая держала руки под столом, чтобы их никто не видел.

Папку он всё-таки взял с собой, а не оставил в ящике, и всю дорогу домой она лежала на пассажирском сиденье.

Дома было тихо. Максим налил воды, включил одну лампу в кабинете и открыл ноутбук. Сначала посмотрел смету ещё раз, потом открыл строку поиска и набрал её имя и фамилию мужа.

Нашлась одна страница, заброшенная года три назад: десяток фотографий, она вполоборота, плед на плечах, мокрая осень. На последнем снимке она стояла у машины и смеялась, а Борис придерживал её за плечо, широкий, довольный, в пиджаке, и смотрел не в объектив, а на неё.

Максим подержал курсор над фотографией, потом закрыл ноутбук и выключил лампу.

Он посидел в темноте, слушая, как во дворе кто-то завёл машину и уехал.

В час ночи Максим снова открыл ноутбук, уже не ради фотографии. Достал смету, рядом положил таблицу за прошлый квартал и стал сравнивать позиции одну за другой. Бетон, арматура, отделка, вентиляция. Бетон дороже, но не настолько. Арматура почти та же. Отделка выросла на треть, и это можно было объяснить, если бы работы шли по новой смете, а они шли по старой.

К трём часам он понял, что дело не в материалах. Материалы были прикрытием. Разница сидела в трёх строках, где стояли подрядчики, которых он не знал даже по фамилии. Максим закрыл файл, поставил будильник на семь и лёг поверх покрывала.

Глава 4

Сделку закрыли в четверг, и Борис решил, что её надо обмыть по-настоящему.

— В «Голден», — сказал он, входя в кабинет. — В пятницу. наших всех, человек пятнадцать. Без жён. — Он довольно усмехнулся. — Там развлечений хватает.

Ирма записала, не изменившись в лице.

— Максим, ты с нами.

— Я пас.

— Ты подписывал. Значит, едешь.

«Голден» был закрытый ночной клуб: чёрный потолок, зеркальные панели, кожаные диваны, официанты в узких жилетах. Музыка шла фоном. Партнёры сидели вокруг длинного заставленного стола, и никто не смотрел на часы.

Максим сидел с краю, держал стакан, из которого почти не пил.

В половине второго музыка сменилась, свет ушёл в красное, и на площадку между диванами вышли четыре девушки в коротких платьях, блестящих на ходу. Все застучали стаканами по столу. Одна из девушек, высокая, с тёмными волосами, собранными на затылке, обошла стол и остановилась перед Борисом, потом опустилась на колени между его расставленных ног.

Борис откинулся на спинку дивана и положил руки на

подлокотники. Девушка взялась за его ремень, расстегнула пряжку, потянула молнию вниз. Наклонила голову и взяла в рот.

Тело у Бориса было тяжёлое, наполовину расстёгнутая рубашка светилась красным. Он смотрел не на девушку, а поверх её головы, на Максима, и улыбался.

Девушка с тёмными волосами подняла голову, вытерла губы тыльной стороной ладони и посмотрела на Бориса снизу, ожидая, что дальше. Он положил ей руку на затылок, коротко, как гладят большую собаку.

— Учись отдыхать, — сказал он и поднял стакан. Партнёры засмеялись и потянулись к нему чокаться.

Борис поставил стакан и встал. Девушка поднялась с колен следом и одёрнула платье.

— Мы на минуту, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Он взял её за руку и пошёл вдоль диванов к двери в глубине зала, за которой начинался коридор с отдельными комнатами.

Толя наклонился к Максиму:

— Он так каждый раз.

Борис вернулся минут через двадцать, весёлый, покрасневший, застёгивая на ходу ремень, и сел на своё место, будто выходил покурить.

Максим поставил стакан и встал.

Утром Максим зашёл в кофейню напротив офиса и увидел Настю у окна.

Настя стояла в пальто, руки в карманах, перед ней на подоконнике остывал стакан, к которому она не притрагивалась.

Он подошёл, не здороваясь:

— Вы к нам?

— Борис сказал привезти документы. — Она кивнула на папку под рукой. — Сказал, будет в девять.

— Он будет в десять. У него совещание.

— Значит, я подожду.

Они сели у стены, подальше от входа.

— Значит, вы сегодня курьер, — сказал Максим.

— Скорее, скорая помощь. Без этой папки у них там всё встанет.

— Спасаете совещание?

— Отсрочиваю катастрофу. Это разные вещи.

Она сняла пальто. Сначала она отвечала коротко, потом стала добавлять подробности, потом сама спросила, почему он пьёт кофе без сахара.

— Потому что сахар заканчивается раньше, чем кофе.

— Логично. Я так же с деньгами.

Она сказала это и осеклась, но он уже засмеялся, и она засмеялась тоже, по-настоящему, и прикрыла рот ладонью.

— Вы всегда так смеётесь?

— Привычка. Меня учили не смеяться громко.

— Кто?

— Жизнь.

Они просидели ещё полчаса. Настя рассказала про соба-

ку, которую подобрала зимой у гаражей и которую пришлось прятать в доме две недели, пока Борис не заметил. Рассказала, как учила её не лаять на шаги в коридоре. Смеялась над его историей про диван в кабинете и над тем, как он три года не может купить нормальную кровать.

В десять она посмотрела на часы и сказала, что пора.

— Дайте мне ваш номер, — попросил Максим.

Она продиктовала цифры, он повторил их вслух, набирая.

— Теперь у меня есть ваш номер.

Настя улыбнулась, и в этот момент он увидел за её плечом, у стойки, женщину в тёмно-красном платье. Ирма стояла с двумя бумажными стаканами, смотрела прямо на них.

Она улыбнулась, вежливо, и вышла на улицу.

Настя обернулась, но дверь уже закрылась.

— Кто это был?

— Ирма. Секретарь вашего мужа.

Она медленно положила телефон на стол, рядом с салфеткой.

— Она нас видела?

— Да.

— И вас тоже?

— И меня.

Настя взяла папку и прижала её к груди.

Ирма стояла на тротуаре с двумя стаканами. Второй был для Бориса, хотя он не просил.

Она работала у него четвёртый год. Сначала просто сек-

ретарь: письма, встречи, кофе. Потом он позвал её в кабинет вечером, запер дверь и сказал: «Иди сюда». Она пошла, потому что была влюблена, и думала, что с этого начинается что-то настоящее. С этого началось то, что повторялось потом несколько раз в неделю и не называлось никак.

Она знала про его жену всё: какой у неё размер платья, какие таблетки она пьёт, что у неё нет ни работы, ни подруг. Знала, что место рядом с ним освободится. Он сам говорил: «Дома пусто».

В постели Ирма позволяла ему всё. Он не спрашивал, чего она хочет. Он делал то, что хотел сам, и она подчинялась, потому что считала что они будут вместе.

Он ставил её на колени, брал за волосы, входил так, что она кусала губу, оставлял на бёдрах красные следы. Один раз она сказала, что ей больно, и он ответил: «Значит, тебе не так уж и надо».

Она терпела. Терпела и говорила себе, что это цена за обед в ресторане, за машину, за бриллиантовые серьги. Что жена — это привычка, а она — любовь. Что он уйдёт, надо только подождать.

Он так и говорил: «Подожди». Она ждала и училась не плакать при нём, потому что слёз он не выносил.

В тот раз сорвалась сделка. Он вернулся из администрации в четыре, бросил папку на стол так, что съехал календарь.

— Ирма. Ко мне.

Он запер дверь кабинета на ключ. Не сказал ни слова, только взял её за плечо и поставил на колени у самого стола.

— Борис, что случилось?

Он держал её за волосы и двигал её головой сам, быстро и зло, пока она не подавилась. Потом поднял, нагнул через стол лицом в бумаги, придержал за шею и вошёл, она вцепилась в край столешницы. Стол ходил под ней, ручки и печати сыпались на пол, он не останавливался, дышал тяжело, коротко, ни слова не говоря. Он шлёпнул её ладонью по задку, коротко и звонко, потом ещё раз, и с каждым шлепком её подавало вперёд. Размеренно, в такт своим движениям, ладонью плашмя со всей силы, звон шёл по кабинету. Кончил, отошёл, вытер руки салфеткой. Ирма осталась лежать на бумагах и слышала, как он наливает воду.

После того дня он больше не был с ней мягким. Будто попробовал однажды и понял, что так можно всегда. Каждый раз начиналось одинаково: дверь на ключ, «на колени», рука в волосах. Потом стол или диван, лицом вниз, ладонь на рот, чтобы было тихо, и шлепки, от которых на следующий день неудобно сидеть.

Ирма приспособилась: покупала длинные юбки, держала в ящике крем от синяков, приносила с собой салфетки. Иногда оставалась лежать на бумагах, слушала, как он наливает воду, и говорила себе, что это ненадолго. Что он сорвётся на ней последний раз, а потом позовёт её в загс.

А он после каждого раза становился ласковее: гладил её

по голове и говорил «умница», дарил дорогие подарки, говорил, что только с ней ему так хорошо.

Ирма вылила его кофе в урну у офиса и поднялась на этаж. В приёмной пахло бумагой, и она села за свой стол, ровно держа спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.